

63-7
1606

585/194

† **Н. Н. Страховъ.** 24-го января въ С.-Петербургѣ скончался одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ писателей, публицистъ и литературный криликъ, магистръ зоологіи, Николай Николаевичъ Страховъ. Подробная біографія покойнаго, составленная на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, будетъ помѣщена въ ближайшей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», и потому въ настоящемъ некрологѣ будутъ даны лишь отзывы о покойномъ повременной печати и рѣчи, произнесенныя при похоронахъ на его могилѣ. Такъ, г. Никольскій въ «Новомъ Времени» (№ 7151) пишетъ: «Еще надняхъ одно изъ наиболѣе выдающихся дарованіями и знаніями въ средѣ нашей высшей духовной іерархіи лицъ, поздравляя покойнаго (по поводу недавнихъ журнальныхъ статей) съ сорокалѣтнѣемъ его литературной дѣятельности, выразилось въ своемъ письмѣ, что въ лицѣ Н. Н. Страхова «привѣтствуетъ просвѣщеннѣйшаго въ Россіи человѣка». Если прибавить къ этимъ справедливымъ словамъ, что «просвѣщеннѣйшій изъ русскихъ людей» былъ въ то же время глубокимъ, независимымъ и самобытнымъ мыслителемъ, плодовитымъ и разнообразнымъ писателемъ, однимъ изъ лучшихъ въ нашемъ столѣтіи литературныхъ критиковъ, то мы все же укажемъ этимъ только на то, чѣмъ покойный былъ для насъ, его младшихъ и старшихъ современниковъ. Между тѣмъ текущей минутой далеко не исчерпывается вліяніе и значеніе покойнаго. Увѣренность въ томъ основывается на главномъ свойствѣ покойнаго, всегда умѣвшаго при чуткости и отзывчивости на все, его окружающее, при постоянномъ интересѣ и вниманіи къ мельчайшимъ особенностямъ текущей минуты, ко всѣмъ деталямъ занимавшихъ его событій и вопросовъ, сохранить полную зоркость взгляда, полную ясность сужденія. Никакая мода, никакая сила общественнаго увлеченія не могла уклонить или затемнить его пониманіе и приговоръ. Потому современный читатель сквозь произведенія покойнаго прямо подымается изъ всѣхъ мелочей и пустяковъ текущей минуты въ возвышенную область основныхъ задачъ бытія, знанія, художественнаго творчества. Оттого всѣ, кому такъ или иначе придется считаться съ коренными основами современныхъ вліяній и вѣяній, со всѣмъ

наслѣдіемъ эпохи шестидесятыхъ годовъ и позднѣйшими наслоеніями нашей общественной мысли, должны будутъ начинать свои счеты съ произведеній Страхова. Сущность міра и роль человѣка въ мірѣ («Міръ какъ цѣло»), возможность и задачи самобытнаго русскаго просвѣщенія и его отношеніе къ западно-европейской культурѣ («Борьба съ Западомъ»), основныя проблемы русской художественной литературы («Критическія статьи» и «Замѣтки о Пушкинѣ»), значеніе философіи въ просвѣщеніи и выработкѣ правильныхъ научныхъ методовъ («Философскіе очерки»), вопросы естествознанія съ точки зрѣнія философіи («О вѣчныхъ истинахъ», «Основныя понятія физиологіи и психологіи», и отчасти «Борьба съ Западомъ» и «Міръ какъ цѣлое») — вотъ вопросы, поднимаемые и раскрываемые Страховымъ въ его произведеніяхъ, вопросы, къ которымъ онъ ведетъ своего читателя отъ самыхъ ничтожныхъ частныхъ современной дѣйствительности, очищая вѣковѣчныя задачи мысли отъ той случайной и тѣсной оболочки, въ которую облакаютъ ихъ потребности минуты. Всѣ модныя заблужденія, всѣ Америки, открытыя въ нашей литературѣ, всѣ «обязательныя» ученія, всѣ подавляющіе свободу сужденія авторитеты современности — разоблачены, отвергнуты и преданы самой неотразимой ироніи въ тѣхъ десяти небольшихъ книжкахъ въ желтыхъ обложкахъ, которыя оставлены потомству только что скончавшимся писателемъ. Въ этомъ смыслѣ произведенія Страхова воистину просвѣтительны, и ихъ освобождающее отъ путъ современности, ея модъ и предразсудковъ значеніе — огромно. Всякая самобытно работающая мысль невольно будетъ сознательно или инстинктивно тяготѣть къ тѣмъ книгамъ, которыхъ главною дѣлю было освободить эту мысль, отрѣшить ее отъ всего временнаго и случайнаго и удержать на царскомъ пути человѣческаго познанія — на пути философіи. Трудно въ бѣгломъ очеркѣ дать полную характеристику и оцѣнку значенія покойнаго въ дѣлѣ русской философіи и литературы, но бесспорно уже теперь, что въ области изящной словесности его имя неразрывно связано для всего потомства съ именами Пушкина, Фета, графа Л. Н. Толстого, Тургенева, Герцена, Ап. Григорьева и Н. Я. Данилевскаго. Извѣстность и вліяніе Страхова начались собственно только съ середины 80-хъ годовъ, хотя начало его дѣятельности относится еще къ концу 50-хъ, потому мы еще не можемъ видѣть передъ собою даже самыхъ близкихъ ея воздѣйствій; быть можетъ, даже не скоро и не вдругъ принесетъ свои обильные и благотворные плоды это поздно начавшееся, но глубокое и могущественное вліяніе произведеній покойнаго на русскую жизнь, русскую мысль, русское искусство. Пускай же наше общество, принеши позднюю дань признанія одному изъ своихъ лучшихъ руководителей лишь у порога его могилы, сумѣетъ дорости и до созданія достойнаго ему памятника, завоевавъ и отстаивавъ свою умственную свободу, свою духовную самобытность въ той борьбѣ съ западомъ, въ которой покойный былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся борцовъ». — Г. Ю. Николаевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 27) пишетъ: «Какъ человѣкъ, Н. Н. былъ чрезвычайно симпатиченъ: мягкій, въ высшей степени деликатный, готовый на всякую услугу, готовый помочь всякому и со-вѣтомъ, и дѣломъ. Но его мягкость и деликатность не мѣшали ему быть въ высшей степени правдивымъ. Я никогда не забуду его въ высшей степени вѣр-

ныхъ и мѣткихъ отзывовъ объ иныхъ литераторахъ и ученыхъ. Отъ тѣхъ и другихъ онъ прежде всего требовалъ ясности мысли, точности выраженій, и его нельзя было подкупить никакою фразеологіей. Онъ былъ истинный литераторъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Литература была для него цѣлью сама по себѣ, и онъ, всегда мягкій, очень раздражался, видя, какъ у насъ литературу, искусство, обращаютъ въ средство для достиженія постороннихъ литературъ и искусству цѣлей. Онъ любилъ литературу, можно сказать, нѣжною любовью и тщательно слѣдилъ за ея развитіемъ. Всякое проявленіе дарованія, серьезная и искренняя мысль приводили его въ восторгъ. Онъ вѣрилъ въ литературу, вѣрилъ, что побѣдитъ въ концѣ концовъ здоровая мысль, здоровое чувство, и потому цѣнилъ самое дѣло, не придавая никакого значенія тому, что называютъ успѣхомъ. Эта его вѣра оправдалась на немъ самомъ. Подобно всѣмъ нашимъ дѣйствительно значительнымъ писателямъ — если это были не беллетристы — онъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ, руководимой извѣстной частью журналистики. Но уже съ восьмидесятихъ годовъ значеніе его стало расти и ростеть до сихъ поръ. Иныя сочиненія его вышли вторымъ и третьимъ изданіемъ, и, безъ сомнѣнія, значеніе ихъ будетъ расти и расти. Безъ сомнѣнія, понятіе о Страховѣ, какъ о просвѣщеннѣйшемъ въ Россіи человѣкѣ, утвердится среди русскаго образованнаго общества, когда это общество ближе ознакомится съ его произведеніями. Страховъ сдѣлалъ чрезвычайно много и какъ ученый, и какъ философъ, и какъ литературный критикъ, но все же онъ далеко не вполне высказался. И не смотря на то, что онъ умеръ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, смерть его — невознаградимая потеря для русской литературы». — Г. Гамма въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 26) говорить: «Страховъ любилъ жизнь и большую часть ея посвятилъ усиліямъ проникнуть въ міровыя выси, въ основы основъ. Всѣ согласятся, что это были добрыя цѣли, что избранное Страховымъ служеніе стяжало ему полное уваженіе хотя бы и среди несогласныхъ съ нимъ». — «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№№ 24 и 25) говорятъ: «Русская литература понесла тяжелую потерю въ лицѣ скончавшагося 24-го января. Н. Н. Страхова. Наше сообщеніе, не сомнѣваемся, вызоветъ скорбь въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы русской науки и русской литературы. Смерть вырвала изъ нашей среды одного изъ самыхъ талантливыхъ и убѣжденныхъ защитниковъ истинно-русскихъ началъ въ нашей государственной и общественной жизни. Критикъ, философъ, ученый и публицистъ, такъ счастливо сочетавшіеся въ личности покойнаго писателя, получаютъ справедливую оцѣнку только подъ перомъ будущаго историка нашей литературы, въ которой ответится ему одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ его критическихъ трудахъ эстетическое чувство и тонкое пониманіе прекраснаго соединились съ сильнымъ философскимъ умомъ и способностью къ анализу. Страховъ неразрывно связалъ свое имя съ именами людей, составляющихъ гордость и украшеніе русской литературы». — Князь Мещерскій въ свою очередь («Гражданинъ», № 8) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ покойнаго: «Вчера скончался одинъ изъ крупнѣйшихъ людей и свѣтилъ нашего литературнаго міра, послѣдній критикъ русской словесности закала и таланта нашихъ крупныхъ творцовъ въ

литературѣ сороковыхъ годовъ — Н. Н. Страховъ. По количеству познаній, по ясности и силѣ ума, по дару владѣнія мыслями и ихъ изложенія, по яркости и убѣдительности своего творчества въ литературѣ Страховъ врядъ ли имѣлъ за послѣднія 30 лѣтъ соперника; но между тѣмъ никого не знали меньше Страхова, никого не читали меньше Страхова, ни съ кѣмъ такъ мало не церемонились въ литературѣ, какъ со Страховымъ; а было изъ-за чего церемониться, если принять въ соображеніе, какими пигмеями были всѣ, писавшіе въ литературѣ, и какимъ гигантомъ ума и исполномъ критики былъ одинокій Страховъ. Эта мистификація, эта злая шутка судьбы съ Страховымъ длилась во все время его жизни и до того въ то же время мало трогала высокую душу и свѣтлый, царившій надъ мелочною жизнью, умъ Страхова, что я не разъ помню его искренно радующимся тому, что кто либо прочиталъ имъ написанное, точно этотъ читатель облагодѣтельствовалъ его незаслуженною честью. Читая его, слушая его чистосердечныя умныя рѣчи, прислушиваясь къ его любимымъ мыслямъ, я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: что же значитъ эта судьба человѣка, составляющаго умомъ и его творчествомъ славу и гордость великаго государства и точно затертаго, заглохшаго? Игра ли и капризъ, фортуны, или что либо посерьезнѣе? И это серьезное не есть ли наше варварство, наше высокообразованное невѣжество? Страховъ какъ будто слишкомъ много предъявлялъ собою требованій къ нашей мысли, къ нашему просвѣщенію, къ нашимъ мозгамъ, и мы предпочитали отъ него ускользнуть, чѣмъ его читать, имъ наслаждаться и имъ просвѣщаться. Главная ошибка Страхова, мнѣ представляется, была та, что онъ родился русскимъ. Родись онъ и создай онъ умомъ и знаніямъ все, что онъ создалъ, въ Англіи, Германіи, во Франціи даже, при всей ея легкомысленности, его имя давно бы гремѣло и славилось во всемирной наукѣ. Онъ сдѣлалася бы авторитетомъ въ умственномъ руководительствѣ образованными поколѣніями, въ храмахъ науки и литературы и, въ особенности, во всѣхъ высшихъ школахъ. Каждый студентъ его бы зналъ, каждый физикъ его бы зналъ, каждый серьезный представитель словесности его зналъ бы. Миръ праху твоему, великій умъ земли русской, всю жизнь посвятившій чистѣйшему мышленію и свѣтлomu творчеству». — Наконецъ, въ некрологѣ «Русскаго Слова» (№ 26) сказано: «Писатель очень чуткій и отзывчивый, широко понимавшій явленія современной литературы, покойный первый указалъ русскому обществу и первый сдѣлалъ вѣрную оцѣнку замѣчательнаго таланта А. Григорьева; онъ первый далъ надлежащую характеристику гениальнаго художественнаго дарованія графа Л. Н. Толстаго и выяснилъ значеніе его единственной въ своемъ родѣ эпопеи «Война и Миръ»; онъ первый выступилъ рѣшительнымъ истолкователемъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ Н. Я. Данилевскаго, автора книгъ «Дарвинизмъ» и «Россія и Европа». — Наконецъ, приводимъ рѣчи, произнесенныя на похоронахъ Страхова П. А. Кусковымъ, С. О. Шарповымъ и Б. В. Никольскимъ. I. Рѣчь П. А. Кускова: «Самый очевидный способъ, которымъ жизнь заставляетъ существа, одаренныя свободной волей, идти къ цѣлямъ ея, заключается въ томъ наслажденіи, которое ощущается при исполненіи ея вѣдній. Судя по тому наслажденію, съ которымъ соединено всякое творчество, надо думать, что творчество и составляетъ главную работу

нашей жизни. Но «не можетъ Сынъ творити о себѣ ничего же, аще не еже видитъ Отца творяща». Можетъ быть, оттого такъ и великъ восторгъ творчества, что въ минуты его человѣкъ видитъ Бога, и чѣмъ яснѣе мысль его сознаетъ ею видимое, тѣмъ необъятнѣе получается отъ этого наслажденіе. Вся жизнь нашего друга, котораго мы теперь хоронимъ, была почти непрерывнымъ рядомъ такихъ наслажденій. Онъ совершенно ясно выразилъ, въ чемъ состояло упоеніе его философствующей мысли, въ эпитафію, который онъ поставилъ на заглавномъ листѣ одной изъ своихъ книгъ («О вѣчныхъ истинахъ»): *Philosophari nihil aliud est, quam Deum amare* (философствовать есть не что иное, какъ любить Бога). И съ этой любовью ему было такъ хорошо среди 10,000 томовъ его бібліотеки, что его друзья никогда не находили его въ притягательномъ состояніи: онъ всегда былъ ясенъ духомъ и всѣмъ доволенъ. Въ послѣдней выпущенной имъ книжкѣ, третьей книжкѣ «Борьба съ Западомъ», онъ говоритъ въ предисловіи: «Въ какой-то старой нѣмецкой книгѣ я видѣлъ, что на заглавной страницѣ третьей части послѣ заглавія было напечатано: третья, послѣдняя и лучшая часть. Очень мнѣ хотѣлось бы имѣть право сдѣлать такую же надпись на этой третьей книжкѣ «Борьбы»: написать, что это послѣдняя и лучшая изъ трехъ. Что она послѣдняя, въ этомъ, кажется, мнѣ нельзя сомнѣваться, чувствуя, какъ убываютъ у меня силы и расположеніе писать. Что она лучшая — этому мнѣ хотѣлось бы вѣрить: писатель вѣдь долженъ стараться идти впередъ по мѣрѣ того, какъ проводятъ годы и десятки лѣтъ въ чтеніи и размышленіи. Но одного старанія здѣсь мало и объ успѣхахъ своихъ стараній мнѣ слѣдуетъ ожидать и просить суда читателей». Душа его, исполнившая ту волю жизни — чтобы ничего не погубить изъ того, что ей дано жизнью — была освобождена отъ самаго ужаснаго изъ всѣхъ страховъ, отъ страха смерти. Онъ о смерти до послѣдней минуты не говорилъ. Она взяла его въ такое время, когда онъ самъ сознавалъ уже, что у него проходитъ расположеніе писать, значитъ, когда онъ сознавалъ самъ, что все было имъ сдѣлано, и когда могъ сказать: «Нынѣ отпускаеши». Онъ исполнилъ свой долгъ и умеръ спокойно, вполне удовлетворенный. Намъ остается пожелать самимъ себѣ подобной кончины». II. Рѣчь С. Ф. Шаранова: «У каждаго великаго историческаго народа есть своя духовная жизнь, свой алтарь, на которомъ горитъ національная мысль. И къ этому алтарю народный гений посылаетъ своихъ избранниковъ. Великіе гении заставляютъ ярко вспыхивать огонь на этомъ алтарѣ, огонь, который и свѣтитъ иногда не только своему народу, но цѣлому человѣчеству. Таковы Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой. Великіе борцы, великіе характеры становятся около этого алтаря съ мечемъ и бьются за народное святилище. Таковы Аксаковъ, Скобелевъ. Къ этому же алтарю идутъ и скромные труженики мыслители, согрѣтые любовью, одушевленные вѣрою. Они не бросаютъ своихъ лучей на все человѣчество, они не носятъ богатыхъ ударовъ, но у великаго очага народнаго самосознанія они зажигаютъ тихій свѣтъ мысли и изслѣдованія, и этотъ свѣтъ горитъ, какъ неугасимая лампада. Надъ свѣжей могилой Н. Н. Страхова мысль объ этомъ тихомъ свѣтѣ, этой неугасимой лампадѣ, приходитъ сама собою. Да, по истинѣ неугасимую лампадою горѣлъ этотъ мыслитель, и съ его кончиной зажженный имъ свѣтиль-

никъ русской философіи не угаснетъ. Весь Страховъ, все дѣло его жизни, его удивительный анализъ, его тонкое русское чувство, его проповѣдь, все это останется навѣки все тою же неугасимою лампадою у алтаря русской мысли. Последнее прости мы говоримъ только вашему другу, вашему учителю, доброй и милой личности Н. Н. Только этотъ личный нашъ добрый другъ уходитъ отъ насъ, а мыслитель и философъ Страховъ не умираетъ, онъ не можетъ умереть, онъ безсмертенъ. Прости же, дорогой учитель! Прости и позволь надъ твоимъ гробомъ повторить слова поэта: вѣщимъ слухомъ слову Божьему внемля, надъ тобою легкимъ пухомъ ляжетъ русская земля». III. Рѣчь Б. В. Никольскаго: «Не къ друзьямъ покойнаго, оплакивающимъ на закатѣ дней своихъ невознаградимую потерю, но къ младшимъ изъ здѣсь присутствующихъ, общимъ горемъ собранныхъ сегодня надъ этою смиренною могилою, позволю себѣ обратиться нѣсколько словъ. Не только свое личное горе переживаемъ мы сегодня: всю Россію понесена великая утрата. Сорокъ лѣтъ непрерывнаго труда, бодрой вѣры въ достоинство и высокое призваніе человѣка, въ науку и въ искусство, въ величіе историческихъ судебъ нашего отечества, сорокъ лѣтъ упорной и безкорыстной работы, самобытной и тонкой мысли, безпримѣрной свободы мнѣнія, независимости и прямоты сужденія—вотъ прошлое Н. Н. Страхова. Какое высокое призваніе, какія великія задачи! И сколько силъ, сколько знаній, сколько душевной красоты въ ихъ осуществленіи! Между тѣмъ—оглянемтесь вокругъ: какъ скромнѣе и невеликъ кружокъ пришедшихъ на послѣднее прощаніе съ почившимъ писателемъ! Труденъ, но еще болѣе неблагоприятенъ, тѣмъ труденъ, тотъ путь, которымъ шелъ покойный. Съ его рѣдкими дарованіями, съ его высокимъ трудовымъ самоотверженіемъ онъ за сорокъ лѣтъ непрерывной дѣятельности едва успѣлъ добиться небрежнаго вниманія къ нему того общества, которому былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній. Вотъ сознаніе, которое мы должны унести отсюда—не какъ ученики и друзья, пришедшіе грустно разставаться съ тѣмъ, что было въ покойномъ смертнаго, но какъ люди, едва вступающіе въ область своего жизненнаго призванія, которымъ есть чему учиться и есть что запомнить во исполненіе всемірнаго назначенія своей родины. Запомнимъ же навсегда, какъ мало еще насъ, и какъ еще много требуетъ Россія безкорыстныхъ жертвъ, неблагодарнаго труда, борьбы безъ надежды на скорую побѣду, просвѣщенія безъ надежды на скорое повиновеніе и сочувствіе. Поучимся жить для будущаго и ничего не требовать отъ настоящаго. Время не ждетъ, работы бездна, и много ея приходится на долю каждаго изъ насъ, если взвѣситъ надъ этою могилою непомѣрное величіе задачи, неисчерпанной трудами минувшихъ русскихъ поколѣній. Запомнимъ это и въ самой трудности, въ самой необлагодарности пути, указываемаго намъ покойнымъ, почерпнемъ энергію, бодрость и силы на то, чтобы оказаться готовыми къ исполненію своего долга и достойными своего историческаго призванія».

7р - 33875